

Однако в 25-летнем возрасте у него появилось сильное влечение к изучению медицины, и он «устремил все мысли и попечения о снискании познания во врачебных науках». В 1769 г. поступил во врачебное училище при С.-Петербургском генеральном сухопутном госпитале. Постановка преподавания в училище не удовлетворяла его, и в 1770 г. он выехал в Страсбург, где у него выявилось влечение к повивальному искусству (акушерству), успешно там преподававшемуся. В 1776 г. по возвращении в Петербург он сдал соответствующие экзамены и получил место младшего доктора при С.-Петербургском адмиралтейском госпитале с поручением обучать повивальному искусству учеников училищ при петербургских госпиталях. В 1781 г. был назначен профессором повивальной школы в Петербурге и вскоре получил звание «профессора повивального искусства». В 1784 г. стал преподавателем родовспомогательного заведения при Воспитательном доме в Петербурге, где преподавал до 1800 г. Последние годы жизни был консультантом при «родильне» Калининской больницы.

Амбодика называют «отцом русского акушерства». Он был первым русским профессором акушерства. Им впервые начато преподавание акушерства на русском языке. Он издал первое русское руководство по акушерству — «Искусство повивания, или наука о бабичьем деле» (СПб, 1784—1786 гг.). Он впервые в Петербурге ввел в преподавание акушерский фантом и в акушерскую практику — акушерские щипцы. Амбодик издал, кроме того, ряд книг, в которых излагал и популяризировал научные данные того времени по физиологии, гигиене и воспитанию детей. Особенно интересны «Физиология, или естественная история о человеке...» (СПб, 1788 г.) и «Врачебное вешествословие» (СПб, 1783—1789). Он положил начало медицинской номенклатуре на русском языке. Известен Амбодик и трудами по ботанике.

Им приложено много усилий к развитию и распространению родовспоможения в России.

Нельзя не упомянуть о высоком патриотизме Амбодика, который выразился не только в его стремлении способствовать развитию и популяризации русской науки, но и в борьбе с вредной для России политикой царского правительства, стремившегося насаждать и развивать все чужеземное, в ущерб отечественному. Ярким подтверждением является его эпиграф к книге «Искусство повивания», который, несомненно, навеян идеями М. В. Ломоносова и бьет по политике Екатерины II: «Здравый рассудок повелевает больше пещися о размножении народа прилежным соблюдением новорожденных детей, чем населением необработанной земли неизвестными чужеземными пришельцами».

Все это характеризует Н. М. Амбодика как русского патриота и выдающегося, просвещеннейшего врача XVIII столетия.

Поступила 26 марта 1959 г.

ВРАЧИ В ВОСПОМИНАНИЯХ ДЕКАБРИСТОВ, СОСЛАННЫХ НА КAVKAZ

Заслуженный врач Грузинской ССР В. В. Пирожков

(Тбилиси)

Царское правительство, жестоко расправившись с декабрьским восстанием 1825 г., разжаловало большинство участвовавших в нем офицеров в рядовые и направило их на поселение в далекую суровую Сибирь. Через некоторое время многие из них были переправлены на Кавказ, который реакционное русское чиновничество называло Южною Сибирью.

Распределение сосланных на Кавказ декабристов по войсковым частям должно было производиться таким образом, чтобы в одной части находился только один декабрист.

Но царское правительство и его сатрапы не учли своеобразной обстановки на Кавказе, вытекающей из наличия передовых, прогрессивно настроенных сил общественности и сочувствия многих солдат и офицеров кавказской армии идеям декабристов.

Не оправдалось и ожидание царского правительства, что на Кавказе будет сломлен революционный дух сосланных сюда декабристов.

Пользуясь негласным и сочувственным отношением большинства командования, многие из декабристов посещали и принимали активное участие в собраниях прогрессивно настроенных деятелей в Тифлисе, главным образом в семьях А. Г. Чавчавадзе и вдовы генерала Ахвердова.

Дома А. Г. Чавчавадзе и П. Н. Ахвердовой часто посещали А. С. Грибоедов и декабристы А. А. Бестужев (Марлинский), А. И. Одоевский, А. О. Корнилович, М. М. Нарышкин, П. Кововницын, В. Голицын и другие.

Пламенных и бесстрашных друзей сосланные на Кавказ декабристы приобретали в лице прогрессивно настроенных кавказских военных врачей. Их сближению способствовало то обстоятельство, что декабристы плохо переносили необычный для них кавказский климат, часто болели, в особенности свирепствовавшей в те времена маля-

рий, и им часто приходилось обращаться за медицинской помощью к военным врачам, находиться на лечении в военных госпиталях.

Одним из замечательных друзей декабристов был доктор Н. М. Мейер, описанный М. Ю. Лермонтовым в романе «Герой нашего времени» под именем доктора Вернера.

Окончив медико-хирургическую академию, прослужив несколько лет военным врачом во внутренних губерниях России, после 1825 г. Н. М. Мейер направился на службу на Кавказ в войсках, находившихся под командованием генерала Вельяминова. Здесь он облизился и сдружился с декабристами А. А. Бестужевым (Марлинским), С. Палицыным, В. М. Голицыным, С. И. Кривцовым. С Бестужевым и Палицыным Н. М. Мейер жил на одной квартире. Бестужеву прислали в подарок белую пуховую шляпу, которая в те времена в Западной Европе служила признаком принадлежности к карбонариям. По доносу жандармского штабс-офицера на квартире был произведен внезапный обыск, и шляпа была найдена спрятанной в печи. Мейер, быстро сообразив, что если будет доказана принадлежность шляпы Бестужеву или Палицыну, то их ожидает тяжелое наказание, взял вину на себя, убедив жандарма, что шляпа принадлежит ему, Мейеру. Зная любовь и уважение солдат и офицеров к Мейеру, высшая власть ограничилась тем, что подвергла его шестимесячному тюремному заключению в Темнолесской крепости.

Декабристы Лорер и Черкасов находились на стационарном лечении в военном госпитале в крепости Фанагория. Доктор Гайдущка добился того, что их поместили вдвоем в отдельную палату, что по тому времени считалось смелым поступком.

«К чести юного поколения докторов, — писал в своих воспоминаниях Лорер, — могу сказать, что они одни были людьми бескорыстными и почти все знали свое дело медиков и операторов, быв выпущенными из Виленского университета. Со многими из них я познакомился и сошелся. Впоследствии их взяли на восточный берег, и там они погибли жертвою климата»¹.

Когда порядки в госпитале стали невозможны Лореру и это осложняло лечение, главный врач госпиталя взял на себя смелую ответственность и разрешил последнему жить на частной квартире и оставаться в списках больных госпиталя.

Весьма интересно и характерно воспоминание декабриста М. И. Пущина, раненного при штурме крепости Ахалцыха 15 августа 1828 г.

Потеряв много крови, он «лежал, как пласт, с сохранением чувства и памяти, но в совершенном бессилии пошевелить членом или открыть глаза». Прибывшие к нему корпусной штаб-доктор Зубов с целым сонмом докторов решили, что «нет спасения, что если еще не совсем верно, что умер, то через полчаса должен умереть». Не оказав никакой помощи, доктора вскоре его оставили. Через некоторое время после этого раненый услышал разговор Зубова с недавно прибывшим на Кавказ доктором Барташевичем. На замечание Зубова, что больному осталось жить не больше получаса и потому предпринимать ничего не следует, Барташевич ответил, что пока жив человек, обязанность врача употребить все зависящие от него средства для подания помощи, хотя бы даже для облегчения последних минут его жизни. Барташевич перевязал рану, заложив корпию, и пустил кровь из правой руки. Больной сразу почувствовал облегчение и уснул. «Не знаю, — вспоминал Пущин, — сколько времени я спал, но проснувшись и увидев перед собою Барташевича, с усилием сказал ему слабым голосом несколько слов благодарности»².

Своеобразно сложилась судьба военного врача Багрицкого. Он окончил курс медицинского факультета Виленского университета, но за участие в студенческом движении, вместо лекарского мундира, на него надели солдатскую шинель и направили в линейный батальон укрепления Вельяминовск. В Сухуме был устроен ботанический сад, и нужно было подобрать для него заведующего. Вспомнили, что Багрицкий с медицинским образованием, выдвинули его на эту должность, присвоив ему чин унтер-офицера. Заведуя ботаническим садом, Багрицкий одновременно начал заниматься любимой врачебной деятельностью и вскоре завоевал заслуженный авторитет среди многочисленных пациентов. Затем ему дали возможность сдать экзамены на степень лекаря при Харьковском университете, он занялся врачебной деятельностью и стал готовиться к сдаче экзаменов на степень доктора медицины³.

Наиболее ярким представителем передовых деятелей кавказской военной медицины первой половины XIX века является Иван Антонович Прибиль, чех по происхождению.

И. А. Прибиль родился в Богемии в 1782 г. Первоначальное образование и звание врача получил в Праге, затем уехал на усовершенствование в Вену, где ему было присвоено звание доктора медицины и хирургии.

По приглашению русского посла в Вене князя Куракина, И. А. Прибиль приехал в Россию и был направлен на службу в Грузию в 1808 г.

И. А. Прибиль настолько полюбил Грузию и ее свободолюбивый и гостеприимный народ, что она стала его второй родиной. Здесь он женился на девушке из прогрессивно настроенной семьи — Екатерине Осиповне Карашвили.

¹ Русский архив, 1874 г., стр. 410.

² Русский архив, 1908 г., № 12. Записки М. И. Пущина. Стр. 332—333.

³ Русский архив, 1883 г., № 6. Воспоминания Филиппсона. Стр. 343—348.

И. А. Прибиль изучил и овладел в совершенстве русским и грузинским языками и, как утверждали его современники, «стал первым лингвистом на Кавказе, даже в последующие годы никто его в этом не мог превзойти»¹.

И. А. Прибиль тесно был связан с семьями А. Г. Чавчавадзе и П. Н. Ахвердовой.

Когда А. С. Грибоедов болел малярией, И. А. Прибиль был его лечащим врачом. Так как пароксизмы малярии у А. С. Грибоедова часто повторялись, то встречи с Прибилем были очень частыми.

27 октября 1828 г. состоялась дуэль между А. С. Грибоедовым и Якубовичем. На дуэли должен был присутствовать и врач, но по своему служебному положению (он в то время состоял инспектором Грузинской врачебной управы) И. А. Прибиль не мог взять на себя эту миссию. По его рекомендации на дуэли присутствовал ординатор Тифлисского военного госпиталя Миллер, который и оказал первую медицинскую помощь раненному в руку Грибоедову².

Чтобы выйти в отставку, декабристу А. С. Ганглебову командир саперного батальона посоветовал лечь на стационарное исследование в Тифлисский военный госпиталь и получить свидетельство о болезни. Главным врачом госпиталя в то время был И. А. Прибиль. Чтобы было больше доверия свидетельству о болезни, А. С. Ганглебова продержали в госпитале около двух месяцев³.

Кавказскими военными врачами было сделано многое по оказанию медицинской помощи местному населению.

По инициативе и проекту И. А. Прибиля в Тифлисе была открыта в 1820 г. первая городская гражданская больница на 12 коек «для доставления надежного пристанища и пособия бедным, одержимым болезнью»⁴.

В 1829 г. количество коек было доведено до 40, в 1842 г. — до 50, в 1847 — до 60, наконец в 1858 г. до 70⁵.

18 октября 1867 г. Кавказским медицинским обществом была открыта «лечебница для приходящих больных», где ординаторы и консультанты Тифлисского военного госпиталя вели бесплатный прием больных. Такая же лечебница была открыта при Тифлисской общине сестер милосердия, где врачами и сестрами милосердия общины оказывалась бесплатная медицинская и медикаментозная помощь неимущему гражданскому населению предместья Навтлуг.

Поступила 13 июля 1960 г.

НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОСНОВНОГО ОБМЕНА И ФУНКЦИИ ЛЕГКИХ АППАРАТОМ АООЗ-М

*А. Г. Терегулов, М. И. Абдрахманов, В. Ф. Богоявленский,
И. А. Логвинов*

Клиника госпитальной терапии № 1 (зав. — проф. А. Г. Терегулов)
Казанского медицинского института и СКТБ-МФП (начальник — И. М. Шпаков)

В 1957 г. в статье инженеров М. И. Абдрахманова и И. А. Логвинова⁶ был описан новый аппарат для определения основного обмена типа АООВ, изготовленный в Казанском СКТБ-МФП. В 1958 г. была разработана уже более совершенная конструкция такого рода аппарата с закрытым кругооборотом дыхания типа АООЗ-М (рис. 1), в котором была увеличена емкость резинового сильфона до 10 л и всей газовой магистрали (с баком) — до 60 л; это позволяет вести исследования основного обмена как при дыхании воздухом, так и на чистом О₂ в большом объеме. Сопротивление дыха-

¹ Е. И. Красногладов. И. А. Прибиль. Тифлис. 1866 г.

² Русский архив. 1885 г. Книга 3. Записки Н. Н. Муравьева. Стр. 333.

³ Воспоминания декабриста А. С. Ганглебова. 1888 г. Москва. Стр. 222.

⁴ ЦГИА Грузинской ССР, фонд 16, дело 2373, лист 326.

⁵ ЦГИА Грузинской ССР, фонд 116, опись 3, дело 1.

⁶ Казанский мед. журн., 1957, 2—3.